

ВЕСТНИК

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ОСНОВАН В 1724 ГОДУ. 1824 — ГОД ВЫХОДА В СВЕТ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

2011

Выпуск 4

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 930.23+801.82+801.73+303.446.4

В. Г. Вовина-Лебедева

ИЗДАНИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.
НА ФОНЕ ЕВРОПЕЙСКОГО ОПЫТА

История изучения и издания русских летописей в начале и первой половине XIX в. уже неоднократно исследовалась, и мы будем ссылаться на некоторые из работ. Все авторы сходятся в том, что значительным, даже переломным моментом этой истории была деятельность П. М. Строева. Среди найденных П. М. Строевым и его сотрудниками драгоценных рукописей оказались и летописи [1; 2]. Им самим была подготовлена к публикации рукопись, называемая «Софийским временником»¹ [3].

Особое значение для истории изучения русских летописей имело небольшое предисловие, которым П. М. Строев снабдил издание. В нем высказывалась новая мысль о том, что «наши летописи есть не что иное, как сборники». Эта идея разбивала старое представление о том, что летописи, во всяком случае «Повесть временных лет» (далее — ПВЛ) — цельное произведение одного автора, в соответствии с которой она даже так и именовалась историками и филологами — «Нестор». П. М. Строев же полагал, что когда-то в древности составлялись летописи как погодные записи событий, происходящих в той или иной местности (городе или княжестве). Они велись очевидцами, излагавшими то, чему свидетелями были сами, или то, о чем знали по слухам. Но эти первоначальные летописи до нас не дошли. Сохранились только результаты переработки первичных текстов, осуществленной в других центрах и в более поздний период. Под рукой редакторов, которых П. М. Строев именует «невежественными собирателями» и которые были отдалены по времени от описываемых событий, из нескольких летописей были составлены некие общие сборники, или «своды». В них вносилось то, что казалось важным редактору. Наиболее ранний из таких сводов, дошедших до нас — Лаврентьевская летопись. Все последующие летописные своды связаны между собой в непрерывную нить, тянущуюся вплоть до 60-х годов XVI в.

Вывод П. М. Строева о летописях как сводах нашел широкий отклик в научной среде. Казалось, был найден наконец тот ключ, используя который можно восстановить

¹ Под этим названием сейчас подразумевают также гипотетически восстанавливаемый источник Новгородской 1 летописи или целой группы новгородских летописей. Не следует путать его с тем текстом, который издал П. М. Строев и который представляет соединение Софийской 1 и Софийской 2 летописей.

древнейшие периоды русского летописания. До самого конца XIX в. идея разрабатывалась, и в итоге появился новый метод исследования летописей. По-настоящему разработан он был К. Н. Бестужевым-Рюминым и применен в его исследовании «О составе русских летописей до конца XIV в.» [4]. Метод применяли И. И. Срезневский, М. И. Сухомлинов, И. Д. Беляев, Н. И. Костомаров, М. П. Погодин и др. Даже те из историографов летописания, кто указывал на слабости «метода расшивки» и противопоставлял ему позднейший метод А. А. Шахматова (Я. С. Лурье), выделяли фигуру П. М. Строева и сформулированную им идею как главное содержание дошахматовского периода изучения летописей. Я. С. Лурье писал также о непосредственной связи К. Н. Бестужева-Рюмина со Строевым, называя их метод «строевско-бестужевским» [5; 6; 7; 8].

Но никто, насколько нам известно, не задавался вопросом, откуда у П. М. Строева могла возникнуть столь необычная на фоне работ его времени мысль о сводном характере дошедших до нас летописей. Дело в том, что П. М. Строев был выдающимся археографом, но до издания «Софийского временника» исследованиями летописей не занимался, да и после этого своего вывода не развивал. Нам представляется, что этот вывод связан с современной П. М. Строеву европейской критикой и, вероятнее всего, извлечен из нее.

Мало кто сомневается в том, что основополагающую роль в развитии практических приемов работы с древними текстами сыграло изучение Священного писания. Классическая филология, как хорошо известно, была еще одним полем, где разрабатывался критический метод. Эти два направления были связаны, так как те же люди, которые исследовали тексты Писания, занимались также и античными текстами. В начале и первой половине XIX в. в европейской текстологии как раз шел спор о принципах критики и издания древних текстов, предлагались разные варианты, старые мнения сменялись новыми, последние тут же оспаривались. Все это отразилось как на изучении, так и издании русских летописей. В изданиях средневековых сочинений этого времени были распространены разные формы так называемого эклектицизма [9; 10; 11], предполагающего издание некоего сводного текста, состоящего по существу из фрагментов «лучших чтений» разных списков. Метод эклектицизма исходил из представления, которого придерживался, например, А. Л. Шлецер, о постоянной порче текста в процессе его переписывания. Из этого делался вывод, что ни один дошедший до нас список не может содержать полностью исправный текст. Следовательно, его можно лишь воссоздать в ходе очистки дошедших списков и реконструкции первоначального текста на основе исправных чтений. В русле этих идей находился и А. Л. Шлецер со своим «Нестором» [12].

Идеи эклектицизма менялись, развивались, на их основе предлагались все новые типы издания древних текстов. Был выработан тип издания текста по одному лучшему списку с подведением разночтений (подстрочных примечаний) по остальным. Такое издание предполагало возможное частичное исправление испорченных мест основного списка по аналогичным чтениям других списков или же по смыслу. Этот тип издания был использован в России. В 1811 г. по поручению Московского исторического общества издание Лаврентьевской летописи было поручено Р. Ф. Тимковскому, работа которого прервалась, едва начавшись, войной с французами и пожаром Москвы. Впоследствии текст, который Р. Ф. Тимковский успел подготовить, был издан его учеником К. Ф. Калайдовичем [13]. Вероятно, эта работа была предложена именно Р. Ф. Тимков-

скому не случайно. Будучи филологом-классиком,² Р. Ф. Тимковский, разумеется, знал европейские приемы критики и издания древних текстов. В 1806 г. для совершенствования в классической литературе он стажировался в Геттингенском университете, считавшемся лучшим местом филологической подготовки, где «сделался любимейшим учеником геттингенского Гейне, князя германской филологии, с которым до кончины находился в дружеской переписке» [14]. Кроме того, Р. Ф. Тимковский считался учеником И. Ф. Буле, выпускника, затем штатного профессора философии Геттингенского университета, бывшего в студенческие годы также активным участником семинара Хр. Гейне [15; 16], и приглашенного затем профессором в Московский университет. Хр. Гейне, крупнейший авторитет в изучении древних текстов, был наставником и другого знаменитого геттингенца — А. Л. Шлецера. Последний называл его в предисловии к «Нестору» своим учителем. Таким образом, Р. Ф. Тимковский был выходцем из той же школы, что и Шлецер.

В издании Р. Ф. Тимковского были даны подстрочные примечания, в виде параллельных чтений Троицкой, Радзивилловской, Воскресенской, Никоновской летописей и двух новгородских летописей. Р. Ф. Тимковский не разделял разные списки одной летописи и разные летописи, так как тогда еще все указанные тексты рассматривались как разные списки «Нестора». Этот тип издания был раскритикован А. Н. Олениным.³ Последний справедливо увидел в нем стремление продолжить А. Л. Шлецера и сообщил, что сам еще раньше Р. Ф. Тимковского начинал подобную работу, «прекратил, поняв ее бессмысленность, напечатав одну страничку». А. Н. Оленин объяснял это тем, что «такое пестрое издание, которого чтение весьма неприятно и утомительно и коего пользы главнейшее в том только состоит, что в нем видеть можно, как и сколько раз в каком списке переписчики ошибались...» [17]. Сам он считал, что конечной целью всей работы по изданию летописей должно быть создание некоего Сводного (или Толкового) Русского летописца, «извлеченного со всею осторожностью правильной критики, изо всех до нас дошедших по сей части рукописей, с необходимо нужными толкованиями на многие темные, а часто и вовсе непонятные места». Нетрудно заметить, что и это была мысль, также близкая к идеям А. Л. Шлецера о создании «очищенного Нестора». Разница заключалась только в том, что А. Н. Оленин полагал подобное предприятие делом далекого будущего, а путь к нему видел в предварительном напечатании «от слова до слова» всех рукописных текстов. В публикации должна быть соблюдена «самая мелочная точность, особенно же в правописании и в препинаниях» [17, с. 159, 163]. Проект А. Н. Оленина, не профессионального ученого, но человека одаренного и увлеченного классическими древностями [18], отражал идеи эклектицизма в целом, но был далек от уже выработанных конкретных приемов, которым следовал Р. Ф. Тимковский. Заметим, что эклектицизм виден и в издании «Софийского временника», подготовленном П. М. Строевым, так как он издал под этим названием не только обнаруженный им список из библиотеки Воскресенского монастыря, но и два других списка, присоеди-

² Р. Ф. Тимковский был последним, кто преподавал одновременно греческую словесность и древнегреческий язык, а также римскую словесность и латинский язык. После него эти предметы вели уже два отдельных профессора.

³ Впервые на это обратил внимание А. Е. Пресняков в одной из своих неопубликованных работ по историографии летописания. См. Архив СПбИИ РАН. Ф. 193. Оп. I. Ед. хр. 55. См. также: Работа А. Е. Преснякова по историографии русского летописания (подготовил С. В. Чирков) // Археографический ежегодник за 1968 г. М., 1970. С. 416–432.

ненных к нему и дополняющие его [19]. Таким образом, он также издал текст, который на деле никогда не существовал, и, кроме того, сверяя списки друг с другом, старался отыскивать и дать в правильные чтения, а если не находил такого, предлагал свое.

Но критика А. Н. Оленина в адрес издания Р. Ф. Тимковского не случайно появилась спустя четверть века после его попытки издания Лаврентьевской летописи. В это время обдумывалась новая грандиозная серия публикация русских летописей, и Петербургская Археографическая комиссия пошла по пути, опробованному Р. Ф. Тимковским. Приступая к изданию Полного собрания русских летописей (далее — ПСРЛ), Археографическая комиссия ориентировались на существующую европейскую практику уже своего времени, в частности на *Monumenta Germaniae Historica* (Scriptores). Это неоднократно декларировалось Я. И. Бередниковым, правда, без уточнения, на какое именно издание он ориентируется. Если и можно говорить о несовершенствах изданий Я. И. Бередникова, то это были несовершенства всей тогдашней издательской практики и одновременно особенность всей тогдашней текстологии. Но это специальная тема, которой мы здесь намеренно не будем касаться.⁴ Нужно учитывать, что уже издательская деятельность Н. П. Румянцева по изданию Собрания государственных грамот и договоров (далее — СГГД) в самом начале XIX в. разворачивалась с оглядкой на аналогичные серии во Франции и Германии. В. С. Брачев отметил, со ссылкой на предисловие к тому I СГГД, что издатели использовали опыт Древней Российской вивлиофики и «Дипломатического корпуса» Жана дю Мона [21].⁵ Но в самом тексте предисловия Древняя Российская Вивлиофика отнюдь не названа образцом для СГГД. Наоборот, там сказано о том, что «испытатели древностей Российских... не могли довольствоваться неисправными и противоречащими отрывками грамот, в древней вивлиофике помещенных». Автор предисловия Н. П. Румянцев указывает только на следование изданию Жана дю Мона («по примеру известного сочинения Дюмонова»), причем прямо сообщается, что поручение издать «собрание всех наших древних и новых публичных трактатов, конвенций и прочих тому подобных актов по примеру Дюмонова «Дипломатического корпуса» было дано еще Екатериной II, хотя выполнено только при Александре I. И действительно, достаточно положить перед собой том «*Corps universel diplomatique*» дю Мона и том СГГД, и происхождение последнего издания становится совершенно очевидным: совпадают тип издания, формат, оформление, расположение текста [22; 23].

Можно проследить, как приемы издания и критики древних текстов в России учитывали европейский опыт. Эта связь бросается в глаза, например, если вспомнить М. Т. Каченовского. Членами Археографической комиссии с самого начала ее существования стали виднейшие «скептики» школы М. Т. Каченовского, такие как С. М. Строев. Близок к ней был и П. М. Строев. То, что Каченовский не изобрел свой критический метод, а лишь применил, как и его ученики, к материалам русских летописей то, что

⁴ Отметим только, что использованные М. Ф. Хартанович данные из неопубликованных протоколов заседания Археографической комиссии за 1838 г., в которых приведена критика П. М. Строевым издания первых томов ПСРЛ, показывают, что критика эта касалась не только неправильности с точки зрения П. М. Строева выбора списков, но и того, что эти списки в издании соединены, поэтому «все эти списки как бы один список» [20]. Очевидно, П. М. Строев поменял свое отношение к соединению нескольких списков в один и через восемнадцать лет после издания своего «Софийского времени» в отношении эклектицизма в исполнении Я. И. Бередникова занял критическую позицию.

⁵ У В. С. Брачева в этом месте неверно обозначено имя дю Мона (он назван «Шарлем»). На самом деле это Jean du Mont, baron de Carels-Croon (1666–1727).

прочел у Б. Г. Нибура, в принципе не отрицается никем [24; 25], хотя детальное сравнение в научной литературе появилось лишь недавно⁶. Имеются прямые свидетельства того, что и те люди, которые непосредственно руководили Археографической комиссией при ее основании, были не просто в курсе новых европейских тенденций в области критики текста, но являлись специалистами в этой области. Председатель Археографической комиссии С. С. Уваров, бывший одновременно министром народного просвещения, оказался не формальным главой комиссии, а активным деятелем, во многом определяющим ее лицо. Именно С. С. Уваров привлек к работе в комиссии Н. Г. Устрялова, который разработал принципы издания летописей [26]. Вообще, несмотря на взаимную полемику между «скептиками» (С. М. Строевым и др.) и их противниками, например М. П. Погодиным, не нужно забывать, что все они принадлежали к одной и той же ученой среде. Так, М. П. Погодин, как и П. М. Строев, были учениками Р. Ф. Тимковского, а С. С. Уваров был очень близок с М. П. Погодиным. Все эти лица высоко ставили геттингенское образование, а значит, и успехи современной им науки в изучении античности. С. С. Уваров сам в молодости некоторое время стажировался в Геттингенском университете,⁷ был филологом-классиком и одной из центральных фигур русского неоклассицизма [26, с. 37].

Дальнейшее изложение потребует обратиться к так называемому «гомеровскому вопросу», так как возникновение его тесно связано с развитием новой европейской текстологии и с рецепцией ее на русской почве. До конца XVIII в. было принято считать, что поэмы «Илиада» и «Одиссея» — это цельные сочинения, принадлежащие слепому певцу Гомеру. Такой подход давал возможность видеть единую основу всей античной культуры: выводить ее из Гомера. Нельзя не увидеть здесь прямую аналогию с тем, как исследователи русских летописей смотрели на ПВЛ, считая ее цельным произведением, сочиненным одним автором — монахом Нестором. Именно из «Летописи Нестора» выводилась вся дальнейшая русская история. Можно без преувеличения сказать, что Нестор стал занимать в русской культуре второй половины XVIII — начала XIX в., т. е. в то время, когда многократно повысился интерес к русским древностям, то же место, какое в европейской культуре занимал Гомер.

Но в это время в Европе как раз возникла новая, критическая волна отношения к Гомеру, у начала которой обычно ставится геттингенский профессор Фридрих Август Вольф, которым С. С. Уваров восхищался не только как ученым, но и как теоретиком образования [26, с. 77] — сферы, которой С. С. Уваров посвятил в дальнейшем всю жизнь. Именно Вольф впервые указал на возможность того, что песни, из которых состоит текст Гомера, первоначально существовали отдельно, и лишь позднее были сведены воедино [27].⁸ Расчленение источника на составные части, не связанные про-

⁶ См. работы К. В. Умбрашко, например, его докторскую диссертацию о скептической школе (М., 2002).

⁷ Как отметила Ц. Х. Виттекер [26, с. 22–23], неизвестно, числился ли он там официально студентом или же просто посещал некоторые курсы, но, по всей видимости, он слушал лекции А. Л. Шлецера, наиболее популярные среди русских студентов в Геттингене. По мнению исследовательницы, на это указывает и то обстоятельство, что позднее С. С. Уваров обильно цитировал А. Л. Шлецера в своих работах.

⁸ Литература о гомеровском вопросе столь многочисленна, что мы отсылаем к последним работам по этой теме [28]. Хорошее изложение состояния проблемы на конец XIX в. со специальным акцентом на трудах К. Лахмана представлено у А. Ильга [29]. См. также классическую работу итальянского исследователя Себастьяно Тимпанаро о методе К. Лахмана [30].

исхождением, из которых выделяют более ранние и более поздние, постепенно становится важным методом филологической критики. Вскоре этот метод уже господствовал. На русской почве эти новые идеи сразу были восприняты, на что до сих пор не обращали внимания исследователи летописания.

Современник С. С. Уварова Готфрид Герман, изучая тексты Гомера, пришел к выводу о существовании протографов «Илиады» и «Одиссеи» («Urilias», «Urodyssee»). В частности, по его мнению, эти пратексты имели не тот вид и объем, что дошедшие до нас. Речь шла также о большом количестве интерполяций. Таким образом, филологическая критика пришла в тот момент к новому пониманию: дошедшие до нас древние тексты отражают (или могут отражать) не первоначальный вариант в самой своей структуре, и вместо одного цельного произведения мы получаем много разновременных текстов. Эти первоначальные тексты нужно еще реконструировать. Тут налицо нечто большее, нежели идеи А. Л. Шлецера об очищении текста отдельных чтений «Нестора» и на основании этого очищение текста всего произведения. По сути, начинался новый этап в развитии того критического метода, из которого исходил и А. Л. Шлецер и его учителя. Теперь речь шла вообще о пересмотре древних культур, ранее выводимых из таких основополагающих текстов, как Гомер (а на русской почве «Нестор», т. е. ПВЛ).

Творчество Г. Германа было особенно хорошо известно С. С. Уварову. Когда были опубликованы «Письма о Гомере и Гесиоде Готфрида Германа и Фридриха Крейцера», где авторы ссылались на работы С. С. Уварова по филологии античности, тот ответил специальной брошюрой, посвященной культуре догомеровского времени [31]. Видно, что С. С. Уваров хорошо знал научную литературу и понимал новую ситуацию, сложившуюся вокруг Гомера. По его определению, высокая филология всегда стремилась к единству, этому же служили и ее методы. Теперь для критики открылись ранее закрытые темы, например Гомер. Но опасность состоит в том, что разложение его текста на составляющие пойдет по пути поверхностному, обманчивому, а глубины научного анализа останутся нетронутыми. Таким образом, С. С. Уваров не отрицал метод Вольфа-Германа, но остерегал от его издержек. Кроме того, он сожалел об утраченной теперь радости, прежде возникавшей от чтения Гомера. Ранее, исследуя эти тексты, стремились прежде всего понять их. И каждый шаг в этом понимании, в этой трактовке воспринимался как победа. Теперь это утрачено, как и чистота эстетического наслаждения Гомером. Совершился переход с твердого основания на зыбкую почву новой критики, где все колеблется. Новый метод дает «ненадежность обладания» истиной, при котором «сомнение таится в глубине наслаждения».⁹ Так долго верили в старого слепого певца, так радовались человечности его души и тому, что можем видеть и точно понимать детали! Теперь, по выражению С. С. Уварова, перед нашими глазами имеется «целое войско туманных образов, подобных оссиановским» [31, S. 7]. Однако обратного пути уже нет. Как написал С. С. Уваров, «старые леса рухнули», и мы видим не законченное произведение искусства, но отдельно корни дерева, ствол и листья одновременно, и все это должно быть проверенным. Гений оказался распыленным на малые величины. Далее с этим новым пониманием С. С. Уваров связывал важность изучения догомеровской культуры. Мы не можем, писал он, как раньше возводить греческую

⁹ См. эпиграф к работе С. С. Уварова, взятый из стихов Лоренцо Медичи: «Sono infinite vie e differente / E quell che si ricerca solo é uno» (Дороги бесконечны и различны, / а тот, кто познает себя, одинок).

культуру к одному источнику. Он теперь раздроблен во времени, и у нас нет другого предмета для рассмотрения, чем знакомство с доисторическими (догомеровскими) периодами, где очень важен (тут проявился ориентализм С.С. Уварова) переход на Запад восточных элементов культуры. Изложение деталей дальнейшей части статьи С.С. Уварова выходит за рамки данной темы.¹⁰

За три года до того, как была издана разобранная выше работа С.С. Уварова, т.е. в 1816 г., в европейской текстологии явилась мысль применить новое понимание Гомера к средневековым текстам, правда, пока к текстам эпическим. Это была идея Карла Лахмана, в будущем — выдающегося текстолога XIX в. В одном из своих первых трудов, в работе, посвященной «Песни о Нибелунгах», он прямо написал под влиянием гипотезы Вольфа, что если «Илиада» возникла из отдельных песен, то и «Песнь о Нибелунгах» также могла возникнуть из еще не ясной сейчас связи отдельных песен [32]. В основе этого понимания лежала мысль, что природа эпоса едина во все времена. В дальнейшем Лахман детально разработал эту мысль. В конце 1830-х годов он стал специально заниматься «Илиадой» и наиболее последовательно развил гипотезу Вольфа [33], так что с этого времен стали писать применительно к «Илиаде» о методе Вольфа-Лахмана [29, S. 13]. Лахман продолжал писать об эпосе, но его выводы и его метод выходили за рамки исследования только эпоса. Поскольку по Лахману «Илиада» возникла из первоначально самостоятельных песен, каждая из них должна быть самодостаточной. Он предложил исследовать внутренние связи отдельных песен «Илиады». После проведенного анализа был сделан вывод, что они подверглись различным изменениям. Тот текст, который мы имеем сейчас, возник из позднейшей редакции. Следуя своей идее об универсальной природе эпоса (т.е. об эпосе как о нестрого связанных между собой песнях), он предложил использовать для анализа «Илиады» те наблюдения, которые уже были получены при анализе старонемецкой поэзии за истекшее с 1816 г. время. Так был создан метод «атомистической критики», который стал широко применяться исследователями не только «Илиады», но и «Одиссеи». Метод Лахмана оставался очень авторитетным, несмотря на появившуюся критику [34]. Большинство ученого сообщества на тот момент стало искать в «Илиаде» и «Одиссее» новые противоречия и несостыковки, выделять все новые и новые отрывки. Постепенно метод расчленения источника на составные части, из которых выделяются более ранние и более поздние, стал общепринятым приемом филологической критики древних текстов.

Русские ученые, особенно те, кто был связан с изучением античности, а такими были и М.Т. Каченовский, и Р.Ф. Тимковский, просто не могли пройти мимо работ С.С. Уварова — во-первых, и в целом — мимо этих важнейших положений современной им науки. Это же относится к их ученикам, таким как П.М. Строев. В указанном выше предисловии Строева к «Софийскому временнику» в неразвитом виде были заложены две мысли, которые могли быть подхвачены дальнейшими исследователями летописей. Первая мысль — о том, что можно попытаться воссоздать в составе сводов фрагменты первичных летописей, разложив их на составные части, связанные с конкретными княжествами. Именно по этому пути пошел позднее К.Н. Бестужев-Рюмин. Другая — заключается в том, что все своды связаны друг с другом. Из этого следует,

¹⁰ Отметим лишь, что он показывает не только глубокое понимание современных ему методов текстологии, но и владение диалектическим методом, так как строит повествование согласно триаде тезис—антитезис—синтез. Это наблюдение согласуется с выводом Ц.Х. Виттекера о том, что С.С. Уваров выдвинул концепцию исторического процесса, предвосхитившую многие идеи Гегеля [26, с. 46].

что и изучать их можно только в совокупности и в сопоставлении друг с другом. Этот вывод вполне согласуется с теорией Вольфа-Лакмана. Но он не был замечен последователями П. М. Строева. И только позднее по этому пути пошел А. А. Шахматов, хотя он отталкивался при этом от иной, более сложной основы [35].

Итак, хотя П. М. Строев никогда прямо не ссылался ни на Вольфа, ни на Германа, но само предисловие к «Софийскому временнику» обнаруживает совпадение с широко распространенными уже тогда идеями. Когда П. М. Строев писал о том, что вся ПВЛ составная, он повторял почти то же самое, что и те, кто писал о составной «Илиаде» и «Одиссее». Вероятно, мы можем предположить, что П. М. Строев использовал по отношению к летописям понятие «свод», уже известное ему на другом материале. Это понимание сводного характера древних текстов было уже присуще современникам П. М. Строева, таким как С. С. Уваров. Идеи же «расшивки» летописных сводов на отдельные фрагменты, которые вдохновляли преемников П. М. Строева, соответствовали широко распространенным в европейской текстологии середины и второй половины XIX в. приемам, идущим от Лакмана.

Это подтверждает вовлеченность русских филологов и историков первой половины XIX в. в общеевропейские споры о методах исследования древних текстов. Речь идет о группе деятелей науки, обладавших, по Пушкину, «душою прямо геттингенской». В первой половине столетия, как и во времена А. Л. Шлецера, именно научные течения, идущие из университета в Геттингене — тогда мирового центра филологии, имели наибольшее влияние на изучение русских древностей. В итоге можно заключить, что занятия летописями в России не были чем-то автономным, а составляли часть общеевропейской культуры, и история науки, в силу ее наднационального характера, подтверждает это с особенной силой. Оригинальные исследовательские школы ни в одной из гуманитарных областей в России в рассматриваемое время еще не сложились. Их появление можно отнести лишь ко второй половине XIX столетия. Не удивительно, что учителей искали на Западе, но это были лучшие учителя, и многие их ученики, перенимая как достижения, так и заблуждения учителей, оказывались не провинциальными эпигонами, а попадали в центр жгучих проблем, в частности, в такой специализированной области, как европейская критика текста и издание древних текстов.

Источники и литература

1. Андреева Т. В. Археографическая экспедиция Академии наук. 1829–1834 гг. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXI. Л.: Наука (Ленингр. отд.), 1990. С. 107–119.
2. Козлов В. П. Исторический источник и основные проблемы его анализа в исторической мысли России конца XVIII — первой четверти XIX в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XX. Л.: Наука (Ленингр. отд.), 1989. С. 9–27.
3. Софийский временник. Ч. 1–2. М., 1820–1821 гг.
4. Бестужев-Рюмин К. Н. О составе русских летописей до конца XIV в. // Летопись занятий Археологической комиссии. Вып. 4. СПб.: Типогр. А. Траншея, 1868.
5. Лурье Я. С. Изучение русского летописания // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 1. Л.: Наука (Ленингр. отд.), 1968. С. 4–32.
6. Лурье Я. С. Проблемы изучения русского летописания // Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л.: Наука (Ленингр. отд.), 1970. С. 43–48.
7. Лурье Я. С. О шахматовской методике исследования летописных сводов // Источниковедение отечественной истории. 1975 г. М.: Наука (Ленингр. отд.), 1976. С. 87–107.

8. Лурье Я. С. Схема истории летописания А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова и задачи дальнейшего исследования летописей // Труды Отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). Л.: Наука (Ленингр. отд.), 1990. Т. 44.
9. Maas P. Textual criticism. (transl. from german). Oxford: Oxford University Press, 1958 (orig. publ. 3rd ed. Teuber, 1957).
10. Greetham D. C. Theories of the text. Oxford: Oxford University Press, 1999.
11. Habib R. A history of literary criticism: from Plato to the present. Cambridge (MA): Blackwell, 2005.
12. Schlözer A. L. Несторъ. Russische Annalen in ihrer slawonischen Grund-Sprache verglichen, übersetzt und erklärt. Vol. 1–5. Göttingen: Heinrich Dieterich, 1802–1809 (перевод: Шлецер А. Л. Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные Августом Лудовиком Шлецером... Ч. 1–3. СПб.; Печатано в императорской типогр. 1809–1819; пер. Дм. Языкова).
13. Летопись Несторова по древнейшему списку мниха Лаврентия. Издание профессора Тимковского, прерывающееся 1019 годом. М.: Университетск. типогр., 1824. 105 с.
14. Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 1. СПб.: Изд-во А. Д. и П. Д. Погодиных, 1888. С. 35.
15. Хлопников А. М. Профессор Московского университета И. Ф. Буле // Философский век. Альманах. Вып. 2: Просвещенная личность в Российской истории: проблемы историософской антропологии. Материалы международной конференции. СПб., 23–26 июля 1997. СПб.: [Б. и.], 1997. С. 74–79.
16. Хлопников А. М. Русскоязычные труды профессора Московского университета И. Ф. Буле // История философии. 1998. № 2.
17. Оленин А. Н. Краткое рассуждение об издании Полного собрания русских деесписателей // Журнал министерства народного просвещения (ЖМНП). 1837. Т. XIV. С. 161.
18. Фролов Э. Д. У истоков русского неоклассицизма: А. Н. Оленин и С. С. Уваров // Деятели русской науки XIX–XX веков. Вып. 4. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. С. 293–330.
19. Андреева Т. В. Судебники 1497 и 1550 гг. в издании К. Ф. Калайдовича и П. М. Строева // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXVIII. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 284–306.
20. Хартанович М. Ф. К истории издания первых томов «Полного собрания русских летописей» // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб.: Наука (Ленингр. отд.), 1993. С. 157–158.
21. Брачев В. С. Петербургская Археографическая комиссия (1834–1929 гг.). СПб.: Нестор, ТОО «Афина», 1997. 161 с.
22. Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 1. М.: В типогр. Н. С. Всеволожского, 1813. Предисловие. С. II–IV.
23. Corps universel diplomatique du droit des gens, contenant un recueil des traités d'alliance, de paix, de trêve, de neutralité, de commerce, d'échange, de protection & de garantie, de toutes les conventions, transactions, pactes, concordats, & autres contrats, qui ont été faits en Europe, depuis le regne de l'empereur Charlemagne jusques à présent... par Mr. J. du Mont, baron de Carels-Croon. Amsterdam: Chez P. Brunel, R. et G. Wetstein, les Janssons Waesberge, et l'Honoré et Chatelain; à La Haye: chez P. Husson et Charles Levier, 1726–1731.
24. Андреева Т. В. Вопросы источниковедения в работах П. М. Строева // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XVIII. Л.: Наука (Ленингр. отд.), 1987. С. 32–44.
25. Козлов В. П. Исторический источник и основные проблемы его анализа в исторической мысли России конца XVIII — первой четверти XIX в. // Вспомогательные исторические дисциплины. XXI. Л.: Наука (Ленингр. отд.), 1990. С. 5–17.
26. Виттекер Ц. Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб.: Гуманит. агентство «Академический проект», 1999. 350 с.

27. *Wolf Fr. A.* Prolegomena to Homer / trs. A. Grafton, C. W. Most and J. E. G. Zetse. Princeton: Princeton University Press, 1985 (orig. ed. 1795). 265 c.
28. *Fowler R.* The Homeric question // The Cambridge companion to Homer / ed. by R. Fowler. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 220–235.
29. *Ilg A.* Über die Homerische Kritik seit F. A. Wolf. Die Wolf-Lachmann'sche Richtung // Programm des kgl. Würtemb. Gymnasiums in Ravensburg. Ravensburg: Buchdruckerei von Dr. Bernhard Kah, 1891. S. 1–28.
30. *Timpanaro S.* La genesi del metodo dei Lachmann. Firenze, 1963. 143 p. (англ. пер.: *Timpanaro S.* The genesis of Lachmann's method. Chicago: The University of Chicago Press, 2005. 252 p.).
31. *Ouwaroff S. von.* Über das Vor-Homerische Zeitalter. Ein Anhang zu den Briefen über Homer und Hesiod von Gottfried Hermann und Friedrich Creuzer. St. Petersburg: Kaizerliche Akademie der Wissenschaften, 1819. 34 S. (переизд.: *Ouvaroff S.* Etudes de philologie et de critique. SPb.: Académie Imperiale des Sciences, 1843. P. 317–331).
32. *Lachmann Karl.* Über die ursprüngliche Gestalt des Gedichts von der Nibelungen Noth. Habilitationsschrift. Berlin, Göttingen: Ferdinand Dümmler, 1816. 146 S.
33. *Lachmann Karl.* Betrachtungen über Homer's Iliad // Abhandlungen der Berliner Academie. Hist.-philol. Klasse. 1837, 1841, 1843. (отдельное изд.: Berlin: Reimer, 1847. 109 S.)
34. *Лихачев Д. С.* Текстология. Л.: Наука (Ленингр. отд.), 1983. С. 10–22.
35. *Вовина-Лебедева В. Г. А. А. Шахматов и «русские младограмматики»* // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков: сб. статей к 75-летию Алексея Николаевича Цамутали. СПб.: Нестор-История, 2006. С. 76–88.

Статья поступила в редакцию 9 июня 2011 г.